

Дин Сяовэй шел пешком более трех часов от места, где жил Чжоу Цзиньсин, до своего дома.

Ему было нужно время, чтобы затушить огонь разгоревшийся в душе, он не хотел приносить его в свой дом.

Теперь, помимо беспокойства о Сяо Чжане, у Дин Сяовэя было много поводов для сожалений. Ему есть о чем сожалеть, например, с самого начала ему не следовало забирать Чжоу Цзиньсина домой.

Без Чжоу Цзиньсина он бы меньше страдал от греха, возможно, он провел бы шесть месяцев спокойно, а затем познакомился бы с Жун Хуа, исполнив свое давнее желание найти мачеху для Лин Лин, а затем жил бы спокойно и счастливо.

Он просто обычный человек, который не может себе позволить развлекаться с богатыми и влиятельными людьми. В будущем, даже если он увидит Чжоу Цзиньсин по телевизору, он переключит канал, и решительно больше не будет искать с ним встречи.

Когда он вернулся домой, уже было время обеда. Он поднялся по лестнице и прошел мимо двери квартиры, где жил Жун Цзя. Внутри он услышал крики и проклятия Жун Хуа.

Дин Сяовэй был шокирован, он быстро достал ключ, чтобы открыть дверь, и увидел, как Жун Хуа метлой бьет Жун Цзя.

«Эй, в чем дело?» Дин Сяовэй с первого взгляда понял, что Жун Цзя, должно быть, что-то натворил. Ребенок стоял перед своей матерью с темным, ожесточенным лицом. Он не уклонялся и не проявлял раскаяния, у него был мятежный вид.

Жун Хуа перестала бить его, как только увидела Дина, она бросила метлу на пол, и отвернулась, чтобы вытереть слезы.

Дин Сяовэй подмигнул Жун Цзя и позволил ему выйти из гостиной. Жун Цзя взглянул на него, повернулся, побежал в комнату и со щелчком запер дверь.

Жун Хуа резко выругалась: «Куда ты! Убирайся отсюда! Как я могла родить такого сына, как ты! Убирайся!»

Дин Сяовэй поспешно обнял ее за плечи и мягко утешил: «В чем дело, не волнуйся, успокойся и расскажи мне, что происходит».

Жун Хуа фыркнула и смущенно посмотрела на него: «Давай посмотрим телевизор...»

"О чем ты говоришь, разве мы не семья?"

Эта женщина, всегда казалась ему спокойной и послушной. Сейчас, ее красные глаза подчеркивали ее немного сумасшедший вид, она вынула салфетку, вытерла глаза и, казалось, немного успокоилась: «Сяовэй, давай вернемся и поговорим».

Эти двое вышли из квартиры Жун Цзя и поднялись наверх, туда, где жили.

Только тогда Дин Сяовэй узнал, что Жун Цзя крал деньги Жун Хуа, чтобы потратить их на компьютерные игры. Раньше количество украденного было невелико, и Жун Хуа не осознавала этого. На этот раз он взял более 400 юаней, и Жун Хуа заметила, что что-то не так.

Жун Хуа заплакала, когда рассказывала: «Ты знаешь, он такой невежественный. Ему больше десяти лет, и он меня совсем не слушает. Легко ли мне вырастить его? Почему он такой беспечный . "»

Дин Сяовэй чувствовал себя неудобно. Жун Цзя был таким же, как некоторые из его одноклассников, когда он был ребенком. У мальчиков было слишком много энергии, и им некуда было ее девать, он сам создавал много проблем родителям, и он не слушал ничего, что ему говорили. Если не получится справиться с парнем, возможны будут только два результата: один - он вырастет и поумнеет, а другой - окажется на кривой дорожке.

Хотя он не плохо относился к Жун Цзя, тот даже ему нравился, за его хорошее отношение к Лин Лин, но в конце концов, это не его ребенок, и иногда он действительно ведет себя плохо.

Теперь он может только изо всех сил стараться утешить Жун Хуа и нести чушь о правильном воспитании в период бунта. На самом деле, как и Жун Хуа, он не знает, как воздействовать на парня.

Дин Сяовэй решил быть более осторожным и бережнее относиться к своим деньгам.

Конечно, на поверхности они семья, но Дин и его жена уже состоявшиеся взрослые люди и хотя живут вместе, но понимают, что твое это твое, а мое - мое.

Дин Сяовэй чувствовал себя виноватым перед Чжань Цзиюй, ведь он ничего не сделал. Ему было грустно из-за положения, в котором оказался Сяо Чжань.

Чтобы избежать смущающего разговора, он не взял на себя инициативу связаться с Чжан Цзиюй.

Неожиданно ребенок позвонил ему сам.

Когда Дин Сяовэй ответил на звонок, тот сразу подошел к делу: «Дядя Дин, ты разговаривал с Чжоу?»»

Дин Сяовэй растерялся: «Да».

Чжан Цзиюй пару минут молчал, его голос стал тихим: «Дядя Дин, извини, я всегда беспокою тебя, ты должен мне во всем помогать. Ты прав, глядя на меня свысока, я не могу сделать тебя счастливым, а только доставляю неприятности. »

Дин Сяовэй очень хотелось сказать: «Ты прав», но вместо этого, он все же начал утешать его: «Не говори так. Ты мне очень помог в конце года. А теперь моя очередь. У тебя есть какие-то трудности? Мы должны помогать друг другу ... Эй, как ты узнал? »

«... Он ... он сказал мне ...» - голос Жан Цзиюй был тихим.

Дин Сяовэй знал, кого парень имел в виду: «Тогда он ... больше не будет искать тебя в будущем?»

"Ну, да, должно быть, больше не ..."

Дин Сяовэй был удивлен. Судя по отношению Чжоу Цзиньсина в тот день, он вовсе не хотел помогать. Ведь он не согласился спать с ним? Почему он внезапно стал таким добрым?

Дин Сяовэй был сбит с толку, пытаясь разобраться в этом.

Он небрежно проинструктировал Чжан Цзиюй: «Сяо Чжан, ты знаешь, ты должен сосредоточиться на учебе. Посмотри на этих богатых людей, издеваются над бедными. Сынок, тебе нужно много учиться и заработать много денег в будущем, а потом использовать юани, чтобы иметь возможность ответить, понимаешь ».

Чжан Цзиюй улыбнулся и его голос слегка задрожал: «Я знаю дядя Дина, я должен усердно учиться, и когда я заработаю деньги, я заплачу тебе».

Дин Сяовэй улыбнулся: «Хорошо, когда дядя Дин состарится, приноси мне пару банок пива и утиную шею раз в день, и я буду доволен».

Повесив трубку, Дин Сяовэй не мог удержаться от мыслей о Чжоу Цзиньсине. Думая о нем, он понял, что в конце концов, он хочет опять закурить. Я четко сказал, что не хочу его, так почему я не могу управлять своим собственным мозгом?

Но в глубине души он чувствовал, что обязан поблагодарить Чжоу Цзиньсина.

На самом деле Цзиньсин пожалел его, но он не хотел так думать, делая вид, что тот позаботился о своем брате. Чем больше он думал об этом, тем больше казался себе бесполезным.

Поскольку он не хотел думать, что Чжоу Цзиньсин пожалел его, и поскольку они двое разошлись, теперь, когда Цзиньсин таким образом ему помог, он неизбежно почувствовал, что в долгу.

Он не хотел быть в долгу перед Чжоу Цзиньсином.

На первый взгляд, Цзиньсина описывают в СМИ, как человека с широким кругозором, но, судя по тому, что он знал о нем, тот всегда заботится о прибылях и убытках. Только он готов был быть должен другим, и никто не должен ему. Если кто-то думает, что смог использовать его, он не знает, что отдавать ему придется в двойном размере.

Дин Сяовэй напряженно думал, но главное он понимал, что он определенно не готов с ним спать, чтобы поблагодарить. Конечно, можно отправить текстовое сообщение со словом «Спасибо», показав свой широкий ум.

Дин Сяовэй обдумывал формулировку, но в конце концов не смог придумать ни одного предложения, кроме слова «спасибо». С этим текстовым сообщением он полчаса боролся, отчаянно блуждая между отправкой и не отправкой.

Наконец, он бросил телефон на диван.

Да пошел ты! Наверное у него шоры на глазах. В соответствии с принципами работы Чжоу Цзиньсина, он готов делать только, то что полезно для него, то есть, если он поговорил с братом, это было нужно ему самому, это его личное дело.

Когда Дин Сяовэй подумал об этом, таким образом, его сердце успокоилось. Через несколько дней он почти забыл об этой истории, он был так счастлив, что даже напевал.

Несколько дней спустя Дин Сяовэй увидел по телевизору новости о том, что Чжоу Тайаня выписали из больницы, на кадрах он был в инвалидном кресле. Выше говорилось, что несколько дней назад у Чжоу Тайаня стабилизировалось здоровье и он готов отправиться домой. Президентом Таян Групп, в настоящее время, назначен его старший сын.

Дин Сяовэй фыркнул.

Если он правильно помнил, старший сын старика был отцом Чжоу Цзиньсина, так что цель отца и сына, наконец, была достигнута.

Чжоу Цзунсяню и его отцу должно быть теперь паршиво.

Дин Сяовэй сменил канал, ему было безразлично, наконец, он смог смотреть новости о семье Чжоу, как совершенно не связанные с ним.

Вся семья ужинала, когда раздался звонок в дверь.

Лин Лин спрыгнула со стула и вызвалась открыть дверь.

Дин Сяовэй улыбаясь смотрел, как она открывает дверь, затем выражение ее лица стало растерянным, она издала тихое шипение и вылетела за дверь.

Дин Сяовэй был потрясен, нервно встав, он направился к двери.

В следующую секунду он увидел того, кто входит, держа Лин Лин на руках.

Мужчина, одетый в тренч в британскую клетку, прямые брюки и блестящие кожаные туфли, стоял у дверей, как модель, и красиво улыбался. Лин Лин нежно обняла его за шею и отчаянно потерлась о его щеку.

Мозг Дин Сяовэй пытался понять. Он никогда не мечтал, что однажды увидит Чжоу Цзиньсина у дверей своего дома.

Цзиньсин был похож на старого друга, который зашел в гости, он нежно улыбаясь, сказал: «Брат Дин, давно не виделись». Затем его взгляд скользнул в комнату и остановился на Жун Хуа, все еще сохраняя эту улыбку: «А это, наверное, моя невестка. Ладно, привет».

Жун Хуа внезапно занервничала, ее лицо немного покраснело.

Нельзя винить ее за это, она никогда не видела таких парней вживую. На самом деле Чжоу Цзиньсин слишком хорош, его красота немного нереальна. Даже в ее возрасте увидев такого очаровательного человека, как Чжоу Цзиньсин, почувствуешь волнение.

Жун Хуа быстро сказала: «Привет, пожалуйста, заходите скорее, у двери холодно».

В этот момент налетел порыв холодного ветра, и Дин Сяовэй, одетый в домашнюю одежду, поежился.

Он просто хотел выгнать Чжоу Цзиньсина ногой под зад, как он мог его впустить.

Но тот быстро взял ситуацию в свои руки, он сразу вошел в дом, закрыл дверь и улыбнулся: «Извините, я оставил дверь открытой, когда здоровался. Надеюсь, никто не простудится».

Дин Сяовэй почувствовал себя одураченным. Он тихонько сунул руки в карман, крепко сжал кулаки, и сказал, как можно спокойнее: «Почему ты здесь?»

Чжоу Цзиньсин прикоснулся к нежному лицу Лин Лин: «Я давно не приходил к вам, я так скучаю по Лин Лин. У меня не было возможности поздравить тебя, Дин Гэ, ведь ты женился в своем родном городе. Конечно, мне было нужно прийти и поприветствовать мою невестку». Говоря это, он положил, пакеты, что держал в руке, на пол, и сказал Жун Хуа: «Невестка, от всего сердца, я надеюсь, вы примете это ».

Жун Хуа тоже поспешно встала, нервничая и не зная, куда девать руки: «О, это слишком вежливо, это слишком вежливо, пожалуйста, сядьте, мы здесь кушаем, вы ели ... О, вы говорите по-китайски? Вы такой высокий."

Чжоу Цзиньсин рассмеялся: «Я еще не ел. Я заехал сюда по дороге, не предупредив. Я не знаю, достаточно ли еды у моей невестки».

«Хватит, достаточно, Жун Цзя, иди и помоги этому дяде, быстро». Когда Жун Хуа разглядела одежду Чжоу Цзиньсина, она поняла, что он не был обычным человеком. Она действительно не ожидала, что у Дин Сяовэя был такой красивый и богатый друг.

Дин Сяовэй был так зол, что у него дрожали руки, он повернулся спиной к Жун Хуа и яростно посмотрел на Чжоу Цзиньсина, его взгляд ясно говорил, чтобы тот катился отсюда.

Чжоу Цзиньсин и Дин Сяовэй боролись взглядами, пока никто не видел. Цзиньсин первый отвел глаза, обнимая Лин Лин, он мягко сказал: «Сяо Лин, скучала по мне? Твой дядя доставил вам много беспокойства. Если ты сможешь съесть две миски сегодня за ужином, я немного поиграю с тобой, хорошо? "

Лин Лин не могла закрыть рот от волнения, и она крепко обняла Чжоу Цзиньсина, как будто боялась, что он убежит в следующую секунду.

Жун Хуа пожаловалась Дину Сяовэю: «Сяовэй, пожалуйста, попроси гостя сесть побыстрее, пока все горячее».

Дин Сяовэй был действительно беспомощен, поэтому он мог только сжать зубы и «уговорить» Чжоу Цзиньсина сесть.

Лин Лин все еще держалась за дядю Чжоу, она отказывалась его отпускать. Цзиньсин снял пальто и сказал Дин Сяовэю: «Дин Гэ, пожалуйста, подойди и помоги мне».

Дин не двинулся с места.

Жун Хуа подошла и толкнула его: «Сяовэй?

Дин Сяовэй вздохнул, он хотел обнять Лин Лин и взять на руки, но маленькая девочка отказывалась отпускать дядю, поэтому она чуть не укусила своего отца.

В этом случае, он мог только помочь Чжоу Цзиньсину раздеться. Двое людей смотрели друг на друга, они находились на расстоянии не более двух кулаков. Дин чувствовал запах туалетной воды для бритья на теле Чжоу Цзиньсина. Цзиньсин выглядел как звезда, с мягкой улыбкой, он тихо сказал: «Гэ Дин, я действительно завидую тебе, вы все выглядите такими счастливыми».

Жун Хуа смущенно улыбнулась, стоя рядом с ними, но Дин Сяовэй дрожал от холода.

Он действительно хотел знать, о чем думал этот ублюдок, когда, так спокойно, пришел в их дом.

Во время еды Лин Лин осталась сидеть на коленях у своего дяди Чжоу. Терпение Чжоу Цзиньсина было на высоте. Он выглядел, как никогда хорошо.

Когда Жун Хуа спросила, как они встретились, Чжоу Цзиньсин очень ловко обманул ее, изменив прошлое.

Он был слишком хорош в разговоре. После еды он вежливо похвалил еду Жун Хуа. Жун Хуа не могла от радости, закрыть рот. Даже мятежный подросток, Жун Цзя, которому никто никогда не нравился, отдал должное сдержанному, нежному и вежливому характеру Чжоу Цзиньсина и относился к нему с уважением.

Приход Чжоу Цзиньсина очень обрадовало всех, кроме Дин Сяовея, только глава семьи молча ел вкусную еду, не поднимая глаз.

После обеда Цзиньсин пошел играть с Лин Лин и Жун Цзя.

Пока Жун Хуа и Дин Сяовэй мыли посуду и убрали на кухне, Жун Хуа продолжала расспрашивать о Чжоу Цзиньсине.

«На этого человека нелегко смотреть, Сяовэй, почему ты не попросил его сразу войти и сесть? Я никогда не слышала, чтобы ты упомянул о нем. Такой друг полезен для тебя, и он, возможно, сможет помочь тебе, когда-нибудь. »

Выражение лица Дин Сяовэй было немного напряженным. Он мог понять добродетель Жун Хуа, но если бы она узнала, что господин Чжоу, которым она так восхищалась, спал с ее мужем больше полугода, он не знал, что ждать от нее после этого.